

Oxfam..., 2024 – Oxfam: состояние миллиардеров ежедневно увеличивается на \$2,7 млрд // URL: <https://radiosputnik.ru/20230118/milliarder-1845819963.html> (дата обращения: 11.02.2024)

УДК 322.348.71

Власов В. В.,

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова*

**Модели государственно-конфессиональных отношений:
политико-правовые аспекты**

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-122- 132

Автор отмечает, что с конца XX века имеет место процесс активного «возвращения религии в политику». В статье предлагается классификация моделей политико-правового положения религиозных конфессий, исходя из обеспечения права на свободу совести. Особое внимание уделено государственно-конфессиональным отношениям в современном мире. Предлагается оптимальный алгоритм использования потенциала религиозных конфессий для решения задач современного российского государства.

Ключевые слова: *цезаропанизм, папоцезаризм, теократия, государственный атеизм, симфония властей, сепарационная модель, кооперационная модель, право на свободу совести.*

Vlasov V. V.,

*Candidate of Political Sciences, Docent,
Associate professor of social and humanitarian disciplines,
Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

Models of State-confessional relations: political and legal aspects

The author notes that since the end of the twentieth century, there has been a process of active «return of religion to politics». The article proposes a classification of models of the political and legal status of religious denominations, based on ensuring the right to freedom of conscience. Special attention is paid to state-confessional relations in the modern world. The optimal algorithm for using the potential of religious denominations to solve the problems of the modern Russian state is proposed.

Keywords: *caesaropapism, papocesarism, theocracy, state atheism, symphony of authorities, separation model, cooperative model, right to freedom of conscience.*

Проблема соотношения религии и политики – одна из самых давних в истории человечества. Уже в первобытном обществе существовала взаимная поддержка жреца и вождя [Лемешко, 2021: 68]. С момента возникновения государства власть опиралась на религию как на важнейший инструмент обеспечения легитимности. Со второй половины XVIII века в Европе начинается процесс постепенного вытеснения церкви из всех сфер общественной жизни и, прежде всего, политической. Данное явление получило название «секуляризм». Обозначенные тенденции ускорились после Великой французской революции (1791-1793 годов). Многие ученые и философы того времени отстаивали тезис о неизбежности постепенного исчезновения религии [Руссо, 2018; Маркс, 1986; Энгельс, 1989]. Действительно, в начале-середине XX века светские идеологии доминировали в мире. Однако с конца 70-х годов двадцатого столетия отмечается религиозный ренессанс. Это выразилось в Исламской революции в Иране (1979 года), а затем крахе социалистического лагеря с господствовавшими коммунистическими атеистическими режимами. Как следствие, часть западных мыслителей пришла к выводу об окончательной победе либеральной идеологии [Фукуяма, 2004].

В реальности в конце XX века универсалистские претензии Западной цивилизации столкнулись с серьезными препятствиями и ограничениями, поставившими под сомнение безальтернативность западных норм и ценностей во всем мире. Главным и достаточно очевидным основанием для этого стало возрождение мировых религий, прежде всего, христианства и ислама, в качестве основы человеческого бытия [Следзевский, 2018: 31]. В 1996 выходит книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» [Хантингтон, 2017]. Автор аргументирует, что эпоха безусловного доминирования Запада завершается и XXI век будет временем столкновения цивилизаций, разделенных по религиозному признаку. В пример приводился югославский конфликт, исламский ренессанс, рост мощи Китая, а также падение привлекательности Запада для других народов, ищущих опору в своей культуре и религии.

Более того, некоторыми религиозными конфессиями, например, исламом и православным христианством «секуляризм воспринимается как экспортный продукт с Запада» [Лепешкин, 2021: 48]. В то же время, на Западе поднимается вопрос краха политики мультикультурализма. 9 апреля 2018 года президент Франции Э. Макрон призвал католиков более активно участвовать в политике. 9 июля 2018 года он сделал заявление о необходимости реформы ислама [Лункин, 2018: 220]. В феврале 2018 года В. Орбан обратил внимание на мусульманскую угрозу, отметив, что последней надежной Европы является христианство [Лункин, 2018: 223]. Религиозный фактор активно используется во внутривнутриполитической борьбе в США, где правые протестантские консерваторы говорят о «религиозной гражданской войне». В настоящее время на Украине ограничивается деятельность Украинской православной церкви,

закрываются храмы, принадлежащие указанной религиозной конфессии, арестовываются ее священнослужители.

Современность породила ряд религиозно-политических феноменов, таких как «политический ислам», «политическое православие», протестантский фундаментализм. Мы видим актуализацию роли индуизма и иудаизма в политической жизни современной Индии и Израиля, религиозный контекст присутствует в тибетской проблеме и так далее [Перунин, 2018: 219]. Это позволило говорить о постсекулярном обществе, как о социуме «... в котором религия вновь выходит на арену мировой истории и увеличивается ее социальная значимость. Поскольку это происходит в мире, уже познавшем секуляризацию, абсолютной мировоззренческой монополии религии уже не будет. Но не будет монополии и у секулярных идеологий» [Смирнов, 2023: 143].

Указанные выше факторы обуславливают неизбежность увеличения многообразия форм государственно-конфессиональных отношений. В этой связи представляется актуальным проанализировать различные их модели и определить наиболее оптимальный для нашей страны механизм взаимодействия органов государственной власти и религиозных конфессий.

Данное исследование базируется на комплексном научном подходе, позволяющем привлекать информацию, данные различных социально-гуманитарных наук для достижения максимально точного и верного результата. Автор использовал такие методы, как анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция.

В настоящее время имеются различные классификации моделей государственно-конфессиональных отношений. В частности, свои типологии предлагают Шахов М. О., Григоренко А. Ю., Куницын И. А., Петюкова О. Н., Самыгин С. И., Нечипуренко В. И., Полонская И. Н., Кузнецов В. А., Пашенцев Д. А., Мирошникова Е. М., Писманник М. Г., Лазарев В. В., Гаранжи В. И., Понкин В. И., Кардашевский А. В., Тирских М. Г. и другие. Государственно-конфессиональные отношения предлагается классифицировать исходя из различных признаков.

В рамках нашего исследования за основание для классификации мы взяли правовое положение, которое занимают религиозные конфессии в государстве, его правовой системе и правоприменительной практике. Краеугольное значение будет иметь соблюдение права на свободу совести, когда в соответствии со статьей 28 Конституции Российской Федерации, гарантируется: «... свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Исходя из этого, можно выделить:

- пять моделей государственно-конфессиональных отношений, дискриминирующих граждан в зависимости от их отношения к религии. К ним

относятся: теократия, государственный атеизм, симфония властей, цезаропапизм, папоцезаризм;

- две модели государственно-конфессиональных отношений, гарантирующих право на свободу совести, а именно сепарационную и кооперационную.

Наиболее клерикализированной моделью государственно-конфессиональных отношений является *теократия*. Для нее характерно доминирование религиозного закона и, соответственно, ограничение права на свободу совести для иноверцев и атеистов. В научно-публицистической литературе в качестве основного признака теократии часто указывается власть духовенства, что представляется спорным. Как отмечает Е. Н. Салыгин «теократия характеризуется не столько властью религиозных лидеров, о чем упоминается во всех дефинициях теократии, сколько верховенством религиозных норм» [Салыгин, 1997]. Избрание на пост главы государства священнослужителя не делает политический режим клерикальным, если правитель при этом обязан руководствоваться светским законом. Например, в суннитском течении ислама отсутствует класс священнослужителей, однако в настоящее время имеются суннитские исламские государства, возглавляемые светскими правителями, которые в своих действиях опираются на исламский религиозный закон (шариат), как это имеет место в Саудовской Аравии, Брунее, Афганистане и так далее

В современном мире, за исключением государства Ватикан, практически все теократические государства являются странами с доминирующим исламским населением. Это объясняется тем, что изначально ислам никогда не рассматривался его последователями отдельно от политики, а религиозным идеалом является правитель, совмещающий светскую и религиозную власть. В шиитском течении ислама руководителем государства должно быть духовное лицо из рода исламского пророка Мухаммада, а именно потомки его сподвижника Али. В соответствии с доктриной шиизма правитель не избирается, а назначает себе преемника. Сунниты полагают, что правителем государства (эмиром) может быть любой наиболее достойный мусульманин. По мнению многих суннитов, в случае учреждения халифата, возглавлять его может только араб, принадлежащий к племени курайшитов.

Диаметрально противоположной моделью государственно-конфессиональных отношений является *государственный атеизм*. Если в рамках теократии дискриминируются атеисты, то при государственном атеизме подавляются права верующих. Государство стремится вытеснить религию из всех сфер общественной жизни, а иногда уничтожить ее как явление. Данная модель государственно-конфессиональных отношений характерна, как правило, для однопартийных политических систем с общеобязательной светской идеологией. Часто это тоталитарные политические режимы. Она имела место в странах бывшего социалистического лагеря. В настоящее время государственный атеизм имеет место в Кубе, Китайской Народной Республике, Вьетнаме, Корейской Народной Демократической Республике. Примечательно,

что из четырех государств, три являются странами с базовой конфуцианской культурой.

Определенную специфику государственно-конфессиональные отношения имеют в Китайской Народной Республике. Указанное государство в современном виде было образовано 1 октября 1949 года Мао Цзэдуном, который последовательно проводил политику государственного атеизма. Ситуация изменилась в 1981 году с приходом к власти Дэн Сяопина. Появилось стремление наладить взаимодействие с официально признанными религиозными конфессиями. Несмотря на это, механизм взаимодействия государства с религиозными конфессиями в Китайской Народной Республике нельзя отнести к кооперационной модели. Неизменным остается атеистический характер правящей коммунистической партии, признанные религиозные организации обязаны придерживаться курса «китаизации». От них требуют претворять в жизнь идеи социализма и лучшие традиции китайской нации.

Особенностью трех следующих моделей государственно-конфессиональных отношений, ограничивающих право на свободу совести, а именно симфонии властей, цезаропапизма и папоцезаризма является разделение религиозной и светской властей. При этом дискриминируются в правах атеисты и иноверцы. Указанная модель государственно-конфессиональных отношений имела место в христианских государствах досекулярной эпохи. Это было обусловлено особенностями религиозного вероучения, разделяющего «светское» и «духовное», так как Господь Иисус Христос говорил: «...отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22:21). На основании этого, а также учения блаженного Августина «О граде Божьем», возникла доктрина о «двух мечях». В соответствии с ней Христос – обладатель духовного и светского мечей, один из которых он вручает Церкви, другой государю. В результате идеальная модель государственно-конфессиональных отношений виделась как *симфония властей*, где светский правитель (император) имеет преимущество перед первоиерархом церкви в делах государственного управления, а последний обладает приоритетом в вопросах богословия и правил нравственности. Таким образом, они, взаимно дополняя, поддерживают друг друга.

По нашему мнению, с некоторой долей условности можно говорить о существовании указанной модели государственно-конфессиональных отношений в короткие промежутки истории нашей страны в период зависимости от Золотой Орды, а также первые десятилетия после утверждения династии Романовых. В целом она показала себя нежизнеспособной. Одна из властей, как правило, подчиняла себе другую, так как их сторонники толковали указанную концепцию по-разному, отдавая приоритет монаршей власти (цезаропапизм), либо власти религиозной (папоцезаризм).

Рассмотрим указанные модели государственно-конфессиональных отношений более подробно.

В православной традиции всегда побеждала государственная власть и утверждалась *цезаропапистская модель*. После раздела в 395 году Римской

империи на Западную и Восточную, последняя сохранила свою независимость и еще на протяжении многих веков оставалась сильным государством, где император контролировал территорию на которой находились восточные патриархи. Обладая административным и силовым ресурсами, он подчинил себе религиозную организацию. Православная церковь стала де-факто одним из ведомств государственного аппарата, ответственным за идеологическую работу с населением для обеспечения легитимности власти правителя. Взамен государство гарантировало привилегированный статус Православной церкви, подавляя и ограничивая права представителей других религиозных конфессий. Указанная модель государственно-конфессиональных отношений стала эталоном для большинства православных государств, вплоть до XX века.

Папоцезаристская модель утвердилась на территориях бывшей Западной Римской империи. Это было обусловлено тем, что указанное государственное образование, прекратив в 476 году свое существование, было разделено между различными варварскими государствами, население которых в религиозном аспекте относилось к единой церковной организации возглавляемой Папой Римским. Соответственно, каждому отдельному правителю было сложно подчинить себе римского первосвященника, который, в свою очередь, обладал широким арсеналом методов для воздействия на них. Это могло быть закрытие храмов на территории неугодного светского владыки, запрет на причастие для подданных или отлучение от церкви самого правителя, что ставило под вопрос его легитимность. Папоцезаризм, в отличие от теократии, не предполагает слияния религиозной и светской власти, однако первая имеет более высокий статус.

Теоретически данная модель государственно-конфессиональных отношений была обоснована в период позднего Средневековья Фомой Аквинским (1225-1274 годов). Святой Фома, создав иерархическую систему права, подчеркивал божественность происхождения универсальных законов вселенной. Божественный закон, по его представлениям, является верховным, поскольку вселенная управляется божественным разумом. Несправедливые законы для подданных необязательны к исполнению, однако меру справедливости устанавливает церковь: Богу следует повиноваться более, чем человеку, постольку светские правители занимают свое положение лишь в силу полномочий полученным ими от церкви [Антонченко, 2023: 42]. Здесь важно обратить внимание на само понятие «церковь», под которой понимается собрание всех верующих как «клира», так и «мира». Таким образом, уже в Средневековой Европе имелаась организация, способная конкурировать с государством и которую светская власть до конца никогда себе не подчинило. Это имело большое значение для того, чтобы развитое гражданское общество как феномен, гарантирующий права и свободы граждан, в том числе право на свободу совести, в дальнейшем было сформировано в рамках данной цивилизации.

Можно выделить две модели государственно-конфессиональных отношений гарантирующих право на свободу совести, а именно: сепарационная и кооперационная.

Сепарационная модель государственно-конфессиональных отношений предполагает максимальное устранение государства от регулирования религиозной сферы жизни общества. Национальное законодательство в данном случае занимает нейтральную позицию по отношению к религиозным конфессиям, не выделяя никакие из них. Оно не финансирует религиозные организации и не предоставляет им привилегии. Заработок обеспечивается исключительно пожертвованиями и коммерческой деятельностью самих религиозных организаций. В рамках сепарационной модели можно выделить французскую и американскую разновидности.

Особенностью французского варианта является то, что в 1905 году произошло конституционное отделение церкви от государства, и Франция стала светской, очищенной от религиозной символики во имя «идеологии разума» [Руткевич, 2019: 23]. Секуляризация во Франции изначально проходила в рамках максимального вытеснения религии из государственной жизни. В правоприменительной практике это означало, что гарантируя право на свободу совести, государство негативно относилось к излишней демонстрации религиозности в государственных учреждениях, политике и образовании. В публичной сфере считается допустимым высмеивать религию. Это уже приводило к насилию на религиозной почве, когда журналисты или педагоги допускали шутки над религией. Данные инциденты являются следствием столкновения между максимально светской французской культурой и исламом.

Американское же Просвещение, в отличие от французского, не ставило целью создание светского государства и не было антиклерикальным [Руткевич, 2019: 23]. В США не принимались меры по ограничению деятельности религиозных конфессий. Религиозные объединения традиционно были одними из наиболее влиятельных групп интересов и давления. В конкурентной борьбе между собой и другими общественными объединениями и организациями они отстаивают свои права. Им гарантируется равенство возможностей, при отсутствии целенаправленной государственной помощи. Степень их влияния обусловлена богатством, численностью, сплоченностью и иными факторами. Например, одной из наиболее влиятельных групп давления в США является «евангелистское лобби», оказывающее значительное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Америки.

Необходимо учитывать, что сепарационная модель подходит далеко не всем странам. Даже в таких государствах как Франция с ее традициями светскости и США, основанных религиозными диссидентами, имеют место трудности в интеграции мигрантов с иной культурой. Еще сложнее это для государств, имеющих конфессиональное большинство, исповедующее традиционную конфессию, неразрывно связанную с их культурой и традициями. В этом случае важно найти баланс между традиционными ценностями конкретного общества и обеспечением права на свободу совести.

Оптимальной в этом случае представляется кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений.

Кооперационное взаимодействие можно назвать «союзом государства и религии», где последняя признается как гарант сохранения традиций, устоев и сложившихся принципов организации общественной жизни; как правило, в демократических странах, признавая историческую роль религии в формировании государственной, национальной идентичности, религии находится место и в фундаментальных документах государства (конституция, ключевые законы, регламентирующие сферы фундаментальных прав и свобод человека и гражданина и так далее) [Абдуллаев, 2021: 32].

Кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений предполагает, что государство, оказывает поддержку традиционным религиозным конфессиям. При этом оно гарантирует право на свободу совести, не дискриминируя другие религиозные конфессии, за исключением экстремистских, деятельность которых угрожает конституционному строю.

Иногда традиционным религиозным конфессиям предоставляется статус государственной религии. Государственная церковь имеется в Великобритании, Греции, Дании, Норвегии, Финляндии и так далее. В этом случае государство напрямую финансирует традиционные религиозные конфессии и, соответственно, контролирует расходование выделенных средств.

Даже если традиционные религиозные конфессии не наделяются государственным статусом, им предоставляются определенные привилегии. В частности, в Италии и Испании имеется специальный налог на церковь, который расходуется по желанию налогоплательщиков. В ФРГ и Австрии также имеется специальный налог, доходы от которого расходуются традиционными религиозными конфессиями самостоятельно, при минимальном контроле со стороны государства.

Учитывая неразрывную связь истории и культуры государства с традиционными религиозными конфессиями, оно использует их потенциал в решении стоящих перед ним задач. Им выделяются места для построения объектов культа, предоставляется возможность для работы в армии, учреждениях пенитенциарной системы, больницах и так далее. При этом, органы государственной власти не ограничивает иные религиозные общины в реализации законных прав. Им разрешается в установленном законом порядке регистрировать свои организации, строить здания для исполнения религиозного культа и так далее. Все граждане, вне зависимости от их отношения к религии, обладают одинаковыми правами.

Кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений имеет место в большинстве стран Европы, в том числе и в России.

Особое положение традиционных религиозных конфессий в нашей стране закреплено:

- Федеральным законом от 26 сентября 1997 года. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»;

- Указом Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В обозначенных нормативных правовых актах отмечается, что: «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию».

Мы полагаем, что кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений является наиболее оптимальной для нашей страны, что обусловлено:

- наличием конфессионального большинства, которое исповедует или культурно соотносит себя с той или иной традиционной религиозной конфессией;

- неразрывной связью истории и культуры многонационального народа России с традиционными религиозными конфессиями и, соответственно, их особой ролью в поддержании духовно-нравственных ценностей российского общества.

Не менее важным является то, что закрепляя особое положение традиционных религиозных конфессий, кооперационная модель гарантирует светский характер государства (статья 28 Конституции Российской Федерации). Это представляется актуальным, учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав народа России. Она позволяет учитывать религиозную традицию нашей страны, опыт советской модернизации XX века, постсоветский период идеологической и религиозной свободы, с учетом всех достижений и ошибок.

Подводя итог, следует отметить:

- прогнозы о необратимом характере секуляризации и отмирании религии, имевшие место в XIX-XX веках, не оправдались. Со второй половины XX века отмечается тенденция роста религиозной составляющей в политике. В то же время, это не является возвращением в клерикализм. В XXI веке у религии не будет «...абсолютной мировоззренческой монополии. Но не будет монополии и у секулярных идеологий» [Смирнов, 2023: 143]. Мы живем в эпоху постсекуляризма, когда народы и государства будут формировать различные модели государственно-конфессионального взаимодействия на основе своего исторического опыта;

- исходя из места, которое занимают религиозные конфессии в правовой системе и правоприменительной практике государства, с учетом обеспечения права на свободу совести, можно выделить следующие модели государственно-конфессиональных отношений: теократия, государственный атеизм, симфония властей, цезаропапизм, папоцезаризм, сепарация между государством и религиозными конфессиями, кооперация государства с традиционными религиозными конфессиями. Право на свободу совести гарантируется только в

рамках двух последних моделей государственно-конфессиональных отношений;

- кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений является оптимальной для нашей страны. Это обусловлено наличием конфессионального большинства, которое исповедует или культурно соотносит себя с традиционными религиозными конфессиями. Последние, будучи неразрывно связанными с историей и культурой России, играют особую роль в поддержании духовно-нравственных ценностей российского общества. Указанная модель гарантирует светский характер государства, что актуально для многонационального и многоконфессионального народа России. Она позволяет учитывать религиозную традицию нашей страны, опыт советской модернизации XX века, постсоветский период идеологической и религиозной свободы, с учетом всех достижений и ошибок.

Список литературы

Абдуллаев, 2021 – *Абдуллаев М. Х.* Политизация религии: теоретическое и терминологическое осмысление проблематики // Россия и мир: научный диалог. Том 1 №1 | июль – сентябрь 2021. С. 27-40.

Антонченко, 2023 – *Антонченко В. В.* Государство, право и религия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, №1 (88). С. 40-48.

Лемешко, 2021 – *Лемешко Г. А.* Религия и политика: точки соприкосновения // Культура и цивилизация выпуск №2 (14) 2021. С. 67-74.

Лепешкин, 2021 – *Лепешкин Д. Г.* Представления о секуляризме в современной конфессиональной теологии // Философская мысль, 2021. С. 45-53.

Лункин, 2018 – *Лункин Р. Н.* Религиозный фактор в Европе: интересы церквей и интересы политиков // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. №4. С. 218- 226.

Маркс, Энгельс, 1986 – *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: Политиздат, 1986. 568 с.

Петрунин, 2018 – *Петрунин В. В.* Религия и политика: религиоведческая перспектива // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. №6А. С. 218-223.

Руткевич, 2019 – *Руткевич Е. Д.* Влияние иммигрантских религий на характер религиозного плюрализма в США и Западной Европе // Социологический журнал. 2019. Том 25. №2. С. 8-32.

Руссо, 1997 – *Руссо Ж. Ж.* Исповедь / Жан-Жак Руссо ; [пер, с фр. Д.А. Горбова, М.Н. Розанова]. М.: Эксмо, 2018. 160 с.

Салыгин, 1997 – *Салыгин Е. Н.* Теократическое государство (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

Следзевский, 2018 – *Следзевский И. В.* Десекуляризация мирового сообщества как источник напряженности в международных отношениях и

мировой политике // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. №4. 2018. С. 30-45.

Смирнов, 2023 – *Смирнов М. Ю.* Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2023. №3. С. 134-152.

Фукуяма, 2004 – *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. МБ. Левина. М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.

Хантингтон, Самюэль, 2017 – *Хантингтон, Самюэль.* Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: Издательство АСТ, 2017. 576 с.

Энгельс, 1989 – *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства : В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1989. 222 с.